

УДК 101.1:316

ГЕОКЛИМАТИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ГЕОПОЛИТИКИ

В. Т. НОВИКОВ¹⁾, О. В. НОВИКОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Предметом рассмотрения является влияние географических и климатических условий на общественно-исторический процесс в целом и на политические отношения и политику государства в частности. Обращается внимание на возможность абсолютизации роли этого влияния, лежащего в основе принципа геоклиматического детерминизма. Выделяются основные исторические этапы в развитии воззрений на роль геоклиматического фактора в жизнедеятельности людей и развитии общества, анализируются взгляды видных представителей мировой философской и научной мысли прошлого и современности: Аристотеля, Абу Наср аль-Фараби, Ибн Хальдуна, Ж. Бодена, Ш. Л. Монтескье, Ж.-Ф. де Сен-Ламбера, Ж. Ж. Руссо; кратко характеризуются взгляды Г. Т. Бокля, а также немецких географов и экономистов – К. Риттера, В. Кристаллера, А. Лёша, Ф. Наумана, Ф. Ратцеля, А. Геттнера. Отмечается разработка данной темы русскими философами и учеными Н. А. Бердяевым, А. А. Богдановым, В. О. Ключевским, П. П. Семёновым-Тян-Шанским, Л. И. Мечниковым, представителями евразийского движения, а также географом В. В. Клименко, который приводит сравнительную хронологию основных событий климатической и социальной истории за последние пять тысяч лет.

Ключевые слова: философия; методология; геополитика; человек; природа; рельеф; климат; государство; территория; население.

Образец цитирования:

Новиков ВТ, Новикова ОВ. Геоклиматический детерминизм как методологическое основание геополитики. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2019;3:32–40.

For citation:

Novikau UT, Novikava VU. Geoclimatic determinism as the methodological basis of geopolitics. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2019;3: 32–40. Russian.

Авторы:

Владимир Тимофеевич Новиков – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Ольга Владимировна Новикова – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Authors:

Uladzimir T. Novikau, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences. novikovvt@tut.by

Volha U. Novikava, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences. mod@tut.by

GEOCLIMATIC DETERMINISM AS THE METHODOLOGICAL BASIS OF GEOPOLITICS

U. T. NOVIKAU^a, V. U. NOVIKAVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: V. U. Novikava (mod@tut.by)

The issue reveals how the geography and climate influence the social history and political relations such as the state politics. Therefore the authors pay attention to the potentiality to overemphasize this influence what is the basis of geoclimatic determinism theory. Main periods in the history of philosophy concerned with the influence of geoclimatic factor on socio-dynamics are taken under consideration, philosophical and scientific views of Aristotle, Abu Nasr al-Farabi, Ibn Khaldun, J. Bodin, Ch. L. Montesquieu, J.-F. de Saint Lambert, J. J. Rousseau are analyzed such as conceptions of H. T. Bukle, German geographers and economists K. Ritter, W. Christaller, A. Lösch, F. Naumann, F. Ratzel, A. Hettner. Special attention is paid on the ways of this theme investigation by Russian philosophers and scientists N. A. Berdyaev, A. A. Bogdanov, V. O. Kluchevsky, P. P. Semyonov-Tan-Shansky, L. I. Mechnikov, Eurasianists and by geographer V. V. Klimenko, who worked up the comparative chronology of main facts in climatic and social history by last five thousand years.

Keywords: philosophy; methodology; geopolitics; human; nature; terrain; climate; state; territory; population.

Рассмотрение проблемного поля геополитики предполагает системный анализ этого социально-культурного явления, совмещающего в себе знание, претендующее на статус науки и поэтому отвечающее канонам научной рациональности, а также ориентированное на практическое применение в качестве политической доктрины. В этом смысле разработка проблем геополитики имеет междисциплинарный характер и, в частности, относится к сфере интересов политической онтологии.

Политическая онтология является составным компонентом социальной онтологии как философского учения о бытии общества. Следовательно, политическая онтология – это учение о политическом бытии как составной части политической философии, предмет которой – рефлексия над глубинными основаниями политической жизни социума, экспликация фундаментальных закономерностей ее развития, осмысление сложной диалектики объективных и субъективных факторов политического процесса и их влияния на деятельность людей. Атрибутами политического бытия, как и социального бытия в целом, выступают пространство и время, которые обладают спецификой, присущей политической реальности, поскольку они не самостоятельные сущности, а формы, в которых она существует. Мы уже обращали внимание и кратко характеризовали особенности социального пространства и времени в их взаимосвязи в качестве хронотопа [1, с. 103]. Теперь же обратим внимание на оценку статуса и характера влияния географического положения и климата на социально-политические процессы, происходящие в обществе.

Предваряя этот анализ, отметим, что в философско-методологической традиции существуют два парадигмальных подхода к характеристике воздействия объективных условий на социодинамику – однофакторный и многофакторный. Сто-

ронники первого подхода придают определяющее значение какому-либо одному фактору социодинамики, закладывая тем самым (в зависимости от содержания последнего) программы экономического, демографического, технологического детерминизма. Сторонники второго подхода говорят о необходимости рассматривать влияние объективных факторов в их единстве и взаимном дополнении, но вынуждены согласиться с тем, что обеспечение достижения подобной гармонии представляется проблематичным.

Конечно, нельзя не считаться с тем, что геоклиматический фактор серьезно воздействует на социально-политическое, экономическое и культурное развитие общества, поскольку человечество существует в единой социоприродной реальности. Это понимание свойственно философии на всем протяжении ее существования, хотя отношение к природе не было однозначным: от почитания и вживания в нее до рассмотрения в рамках космоцентрической картины мира отношения к ней с позиций антропоцентрического мировоззрения как к материальному ресурсу и объекту эксплуатации. Но тема существования природы и человечества как единого целого традиционна для философии. Об этом писал в XIX в. А. И. Герцен: «Человек – не вне природы и только относительно противоположен ей, а не в самом деле; если бы природа действительно противоречила разуму, все материальное было бы нелепо, нецелесообразно. Мы привыкли человеческий мир отделять каменной стеною от мира природы – это несправедливо; в действительности вообще нет никаких строго проведенных межей и граней, к великой горести всех систематиков...» [2, с. 251]. В свою очередь, представители естествознания также говорят о важности изучения природы и общества в методологии системного подхода. В этой связи нужно согласиться с мнением извест-

ного географа В. А. Шупера: «Следует отказаться от архаических попыток понять социальные явления вне природной среды, равно как и природные явления – вне социальной» [3, с. 255].

Вывод автора («...поэтому географы всегда были и будут географическими детерминистами» [3, с. 255]) в контексте его рассуждений выглядит категоричным, хотя применительно к геополитике в нем есть резон. Действительно, очень часто характер и степень воздействия геоклиматического фактора на социально-политические процессы рассматривались как решающие параметры этого влияния. Это нашло отражение во многих концепциях геополитики, предстающей в качестве системы знания, изучающей политические явления в их пространственном измерении.

Осознание зависимости развития общества от географических и климатических условий было характерно еще для мыслителей древности. В частности, Аристотель, опираясь на понимание прекрасного и категорию меры в вещах и явлениях и применяя это к размерам государства, отмечает, что «для величины государства, как и всего прочего – животных, растений, орудий, существует известная мера. В самом деле, каждое из них, будучи чрезвычайно малым или выдаваясь своей величиной, не будет в состоянии осуществлять присущие ему возможности, но в одном случае совершенно утратит свои естественные свойства, в другом – придет в плохое состояние... наилучшим пределом для государства является следующий: возможно большее количество населения в целях самодовлеющего его существования, притом легко обозримое... Приблизительно так обстоит дело и с вопросом о территории. Что касается ее свойств, то, очевидно, всякий одобрил бы такую территорию, которая обеспечивает государству наибольшее самодовление. Таковой является территория, приносящая всякого рода продукты, так как самодовление и заключается в том, чтобы ни в чем не было недостатка» [4, с. 598].

В приведенной характеристике у Аристотеля отчетливо проступает установка на взвешенный подход к оценке влияния размеров территории на жизнь государства и защиту от возможных нападений противника. Так, философ отмечает, что территория должна быть труднодоступна для вторжения, но иметь удобные выходы к морю и удовлетворять требованию автаркии (от греч. *autarkeia* – самодовольственность), т. е. самодостаточности и внутренней гармонии для обеспечения благополучия населения.

Более категоричны его рассуждения по поводу воздействия климата на поведение и образ жизни людей. Говоря о свойствах населения разных племен и стран и взяв за основу эллинские государства, Аристотель проводит их сравнительный ана-

лиз: «Племена, обитающие в странах с холодным климатом, притом в Европе, преисполнены мужества, но недостаточно наделены умом и способностями к ремеслам. Поэтому они дольше сохраняют свою свободу, но не способны к государственной жизни и не могут господствовать над своими соседями. Населяющие же Азию в духовном отношении обладают умом и отличаются способностью к ремеслам, но им не хватает мужества; поэтому они живут в подчинении и рабском состоянии. Эллинский же род, занимая как бы срединное место, объединяет в себе те и другие свойства: он обладает и мужественным характером, и умственными способностями; поэтому он сохраняет свою свободу, пользуется наилучшим государственным устройством и способен властвовать над всеми, если бы он только был объединен одним государственным строем» [4, с. 601].

В этих словах Стагирита, во-первых, отчетливо представлена тема связи природы, человека и государства, благополучие которого прямо зависит как от природных условий, так и от людей, способных разумно пользоваться благами не только природы, но и государственного устройства в процессе социализации. Во-вторых, в этом высказывании присутствует стандартное для древнего грека отношение к представителям других народов как к варварам: грекоцентризм опирался на действительно выигрышное географическое и климатическое положение, позволявшее населению Греции быть социально-культурным лидером ойкумены.

Характеризуя элементы геоклиматического детерминизма в Средние века, обратим внимание на арабоязычную философию. В частности, как отмечает современный исследователь А. Х. Касымжанов, Абу Наср аль-Фараби, живший в период раннего Средневековья и наделенный титулом второго учителя (первым учителем на Востоке считали Аристотеля), был склонен к детерминизму и антропологизму при различении народов: «Каждому народу... свойственны три характерных признака: естественный нрав (нравственность, традиции), естественный характер (психологические особенности) и связанный с этим язык» [5, с. 143]. Причиной разнообразия народов по этим признакам является различие частей земли, связанное, по аль-Фараби, «с различием всего положения неба, начиная с неподвижных звезд и кончая положением светил относительно их наклонных сфер, и обуславливающее различие испарений, воздуха, вод, растительного и животного мира, тем самым различие естественных свойств характера» [5, с. 143].

В период позднего Средневековья в арабоязычной философии тема влияния климата на поведение людей и развитие общества прослеживается в работах Ибн Хальдуна, испытывавшего влияние идей как Аристотеля, так и аль-Фараби, Ибн Рушда,

а также трудов по географии Птолемея и аль-Ид-риси. Но особое воздействие на общество, считал Ибн Хальдун, оказывает температурный режим, характерный для выделенных им семи климатических поясов: двух северных – «холодных», двух южных – «крайне жарких», одного «умеренного» и двух «близких к умеренности». Характер климата определяет социально-психологические особенности народов, живущих в этих температурных зонах, причем наиболее благоприятные условия для развития культуры, согласно мыслителю, свойственны для умеренного и близких к умеренному климатических поясов [6, с. 58]. В этой констатации очевидно просматриваются идеи Аристотеля, соотносившего культурные достижения греков с их проживанием в климатически благотворной, гармоничной среде, которой лишены северные народы.

Стоит отметить, что Ибн Хальдун не только зафиксировал связь климатической температуры и поведения людей в качестве объективной закономерности, но также проанализировал влияние этого фактора на формы хозяйственной деятельности. В частности, опираясь на высказывания арабского философа, специалист в области исламской философии А. А. Игнатенко пишет: «Так жители приморских районов Египта, где воздух жарок, не думают о будущем, не делают запасов продовольствия и приобретают лишь необходимое им пропитание и при возникновении потребности в нем. Жители же холодных возвышенностей в районе Феса являют собой противоположность легкомысленным египтянам: они делают запасы зерна, достаточные для того, чтобы прокормиться в течение двух лет, и, кроме того, ежедневно приобретают необходимые им продукты» [6, с. 59].

Геоклиматические воззрения Ибн Хальдуна легли в основу его учения о государстве как хозяйственно-экономическом и политическом институте общества, что обусловило светский характер описанного им государственного строя. В этом смысле как наставление можно рассматривать следующие его слова: «Многие из государственных мужей, обладающие трезвостью в политике, могут обратить внимание на признаки разрушения, которые постигают их государство, и посчитать, что этого можно избежать. Они принимают исправлять государство, улучшать составные части и оздоравливать его, стремясь уберечь государство от этого разрушения. Они считают, что несчастье постигает их государство из-за небрежения или глупости тех государственных мужей, которые были до них. Но это не так. Это разрушение природно» (цит. по: [6, с. 62]). Можно интерпретировать эти слова по-разному, но их смысл очевиден: происходящие в обществе процессы имеют объективный характер, и люди в своих действиях должны учитывать и это обстоятельство, и тот непреложный факт, что они живут в единой социоприродной реальности.

В эпоху Возрождения артикуляция роли географических особенностей и влияния климата в полной мере была свойственна французскому политическому мыслителю и философу Ж. Бодену. В своих работах «Метод легкого изучения истории» и «Шесть книг о государстве» он, претендуя на преодоление заблуждений древних мыслителей, делит территорию, простирающуюся от экватора до полюса и содержащую девяносто градусов, на три равные части: «Тридцать градусов мы предоставим жаре, тридцать – холоду, и останется еще тридцать градусов для района умеренного [климата], где можно жить счастливо в свое удовольствие, за исключением нескольких местностей, какими являются суровые для жизни людей районы крутых гор, земли, влажные из-за покрывающих их болот, или опустошенные засухой районы, ставшие злокачественными и засушливыми из-за недостатка воды и почвы» [7, с. 141].

Особенностью методологии Ж. Бодена является корреляция между географическими (климатическими) условиями жизни людей, проживающих в этих территориальных зонах, и спецификой их физического (телесного) и психологического склада. По убеждению философа, в этих характеристиках человека существует противоречие: «Так как тело и дух наделены противоположными свойствами, то чем сильнее первое, тем слабее второй... Таким образом, очевидно, что дух настолько же владеет южанами, насколько тело владеет скифами» [7, с. 142]. Вообще французский мыслитель очень категоричен в своих оценках социально-психологических особенностей людей из северных и южных регионов земли, приписывая первым жестокость, расточительность и склонность к грабегам, а вторым – созерцательность, скупость и скардность. В то же время, стремясь продемонстрировать свою объективность, он отмечает у южан их «призвание к сокровенным наукам», а у северян – «вкус к ремеслу». Симпатии его лежат на стороне населения третьей зоны: «Но существует третья раса людей, обладающих благороднейшей способностью, умением подчиняться и приказывать, людей, обладающих достаточной силой, чтобы не поддаваться хитрости южан, и надлежащей мудростью, чтобы справиться с грубой силой скифов» [7, с. 142].

Каким же должен быть род занятий у этих людей, отличавшихся по своему складу от южан и северян? Ж. Боден откровенен в своих предпочтениях: «...если подвергнуть рассмотрению совокупность исторических памятников, станет ясно, что от этой расы людей происходят установления, законы, обычаи, административное право, торговля, хозяйство, красноречие, диалектика и, наконец, политика... Действительно, история свидетельствует, что Азия, Греция, Ассирия, Италия, Франция и Верхняя Германия... всегда были районами, где наблюдался расцвет величайших империй; что эти районы

дали величайших полководцев, лучших законодателей, справедливейших судей, проникательных юристов, прославленных ораторов, способных купцов, знаменитейших актеров и писателей» [7, с. 143]. Представляется, что именно у Ж. Бодена геоклиматический детерминизм впервые становится преамбулой европоцентризма, концептуально оформившегося в Новое время.

Классическая форма геоклиматического детерминизма представлена Ш. Л. Монтескье, который в качестве установки отмечает: «Необходимо, чтобы законы соответствовали природе и принципам установленного или устанавливаемого правительства, имеют ли они целью устройство его, что составляет задачу политических законов, или только поддержание его существования, что составляет задачу гражданских законов» [8, с. 541]. Взяв за основу специфику климата (в частности, воздействие температуры воздуха на «характер ума и страсти сердца» людей), он подробно рассматривает его влияние на организм и поведение людей, проживающих в разных регионах: «...в холодных климатах люди крепче. Деятельность сердца и реакция окончаний волокон там совершаются лучше, жидкости находятся в большем равновесии, кровь энергичнее стремится к сердцу, и сердце в свою очередь обладает большей силой. Эта большая сила должна иметь немало последствий, каковы, например, большее доверие к самому себе, т. е. большее мужество, большее сознание своего превосходства, т. е. меньшее желание мстить, большая уверенность в своей безопасности, т. е. больше прямоты, меньше подозрительности, политиканства и хитрости... Народы жарких климатов робки, как старики; народы холодных климатов отважны, как юноши» [8, с. 543].

Для Ш. Л. Монтескье, автора не только политико-правового трактата «О духе законов», но и знаменитых сатирических «Персидских писем», естественно такое красочное и даже лирическое повествование в рамках серьезного исследования, поэтому неудивительно, что он продолжает свой философский анализ в том же стиле: «В южных странах организм нежный, слабый, но чувствительный, предается любви, которая непрерывно зарождается и удовлетворяется в гареме, а при более независимом положении женщин связана с множеством опасностей. В северных странах организм здоровый, крепко сложенный, но тяжеловесный, находит удовольствие во всякой деятельности, которая может расшевелить душу: в охоте, странствованиях, войне и вине. В северном климате вы увидите людей, у которых мало пороков, немало добродетелей и много искренности и прямодушия. По мере приближения к югу вы как бы удаляетесь от самой морали: там вместе с усилением страстей умножаются преступления... В странах умеренного климата вы увидите народы, непостоянные в своем

поведении и даже в своих пороках и добродетелях, так как недостаточно определенные свойства этого климата не в состоянии дать им устойчивость» [8, с. 543–544].

На основании геоклиматических рассуждений Ш. Л. Монтескье делает заключение относительно особенностей властных отношений в обществах разного типа: «...в Азии всегда были обширные империи... и она разрезана горами и морями на более крупные области... Поэтому власть в Азии должна быть всегда деспотической, и если бы там не было такого крайнего рабства, то в ней очень скоро произошло бы разделение на более мелкие государства, несовместимое, однако, с естественным разделением страны... А в Европе в силу ее естественного разделения образовалось несколько государств средней величины, где правление, основанное на законах, не только не оказывается вредным для прочности государства, но, напротив, настолько благоприятно в этом отношении, что государство, лишенное такого правления, приходит в упадок... Вот что образовало тот дух свободы, благодаря которому каждая страна в Европе с большим трудом подчиняется посторонней силе, если эта последняя не действует посредством торговых законов и в интересах ее торговли» [8, с. 544].

В результате проведенного анализа французский просветитель приходит к выводу: «Многие вещи управляют людьми: климат, религия, законы, принципы правления, примеры прошлого, нравы, обычаи; как результат всего этого образуется общий дух народа. Чем более усиливается в народе действие одной из этих причин, тем более ослабляется действие прочих» [8, с. 545]. Можно предположить, что Ш. Л. Монтескье этими словами решил сгладить впечатление от очевидного геоклиматического детерминизма, обратив внимание на влияние социально-культурных факторов на развитие общества. Тем не менее для него продолжает оставаться решающим именно воздействие природных условий на жизнедеятельность человека как субъекта социальной динамики и, соответственно, на историческое развитие общества.

Авторы знаменитой «Энциклопедии» популяризировали положения классического просвещенческого детерминизма, касающиеся роли географических и климатических условий и их проекции на политико-правовую мысль. В статье «Законодатель» Ж.-Ф. де Сен-Ламбер, опираясь на воззрения Ш. Л. Монтескье, конкретизирует их применительно к особенностям политического устройства и деятельности государства. Так, по его мнению, государственный чиновник, издавая конституционные законы, должен принимать во внимание размер территории, качество ее почвы, характер своей нации, а также силу и характер соседних наций. «Небольшое государство должно иметь республиканский образ правления; его граждане очень

хорошо сознают свои интересы, и интересы эти слишком просты для того, чтобы отдавать решение вопросов, касающихся этих интересов, монарху, который не может быть осведомленным более, нежели они сами... В государствах же, напротив, достаточно обширных, должно учреждаться самодержавие... Кроме того, большие государства имеют много соседей, внушают им опасения и вынуждены часто воевать. Здесь-то и торжествует монархический образ правления, и особенно в войне сказывается его преимущество перед республиканским – он обеспечивает тайну, единство, быстроту, исключает сопротивление, медлительность» [9, с. 237]. Автор стремится связать территориальные параметры государства и формы правления с климатическими особенностями, материальными потребностями и образом жизни народов. Так, по его утверждению, «северные народы должны быть поглощены заботами о необходимом, а южные могут ощущать лишь потребность в развлечении. Самоед охотится, отыскивает пещеру, рубит и перевозит дрова, чтобы поддержать огонь и согреть напитки, и выделяет шкуры для изготовления одежды, тогда как африканский дикарь ходит совсем нагишом, утоляет жажду из родника, собирает фрукты, спит и пляшет в тени... В наших уже давно цивилизованных странах законодатель, не упуская из виду климат, должен обратить большее внимание на предрассудки, мнения и на установившиеся нравы; и смотря по тому, соответствуют или противостоят эти предрассудки, мнения и нравы его намерениям, он должен побороть или укрепить их своими законами» [9, с. 239–240].

В этом фрагменте проступают зримые контуры европоцентризма (правда, с долей самокритики и свойственной ей метафорой *лестницы цивилизации*). Ведь само слово «цивилизация» первоначально употреблялось только применительно к народам Западной Европы, образ жизни и ценностные ориентиры которых должны были служить образцами для других. Кроме того, автор выражал присущую эпохе Просвещения уверенность во всемогуществе человеческого разума и возможности обустройства мира на принципах рациональности и формального права, положенных в основу законотворческой деятельности.

Ж. Ж. Руссо также отдает дань рассматриваемой проблеме. Он определял государство как учреждаемый общественным соглашением политический организм, наделенный движением и волей. А поскольку «для всякого политического организма есть свой максимум силы, который он не может превышать и от которого он, увеличиваясь в размерах, часто отдаляется» [10], постольку знание оптимальных размеров государства очень важно. Ж. Ж. Руссо внимательно анализирует вопрос о границах протяженности государства, приводит

аргументы в пользу такой территории государства, «которую оно может обладать и не быть притом ни слишком велико, чтобы им можно было хорошо управлять, ни слишком мало, чтобы оно было в состоянии поддерживать свое существование собственными силами» [10].

Следует отметить, что работа Ж. Ж. Руссо «Об общественном договоре, или Принципы политического права» может считаться одной из основных теоретических предпосылок геополитики. Об этом свидетельствуют следующие строки: «Государство, чтобы обладать прочностью, должно создать для себя надежное основание, дабы оно успешно противостояло тем потрясениям, которые ему обязательно придется испытать, и выдержать те усилия, которые неизбежно потребуются для поддержания его существования. Ибо у всех народов есть некоторая центробежная сила, под влиянием которой они постоянно действуют друг против друга и стремятся увеличить свою территорию за счет соседей, как вихри Декарта. Таким образом, слабые рискуют быть в скором времени поглощены, и едва ли кто-либо может уже сохраниться иначе, как приведя себя в некоторого рода равновесие со всеми, что сделало бы давление повсюду приблизительно одинаковым... Из этого видно, что есть причины, заставляющие Государство расширяться, и причины, заставляющие его сжиматься; и талант политика не в последнюю очередь выражается в том, чтобы найти между теми и другими такое соотношение, которое было бы наиболее выгодным для сохранения Государства» [10].

Однако философ предостерегает против чрезмерного увлечения завоеванием и приобретением новых земель: «Впрочем, известны Государства, устроенные таким образом, что необходимость завоеваний была заложена уже в самом их устройстве: чтобы поддержать свое существование, они должны были непрестанно увеличиваться. Возможно, они и радовались немало этой счастливой необходимости, но она предсказывала им, однако, наряду с пределом их величины и срок неизбежного их падения» [10]. Обратим внимание на последнее замечание, важное для нас в методологическом контексте, поскольку далее Ж. Ж. Руссо пишет, что «политический организм можно измерять двумя способами, именно: протяженностью территории и численностью населения; и между первым и вторым из этих измерений существует соотношение, позволяющее определить для Государства подобающие ему размеры. Государство составляют люди, а людей кормит земля. Таким образом, отношение это должно быть таким, чтобы земли было достаточно для пропитания жителей Государства, а их должно быть столько, сколько земля может прокормить. Именно такое соотношение создает максимум силы данного количества населения» [10].

Итак, у французского мыслителя качество жизни государства определяется двумя факторами: протяженностью территории и численностью населения, что можно охарактеризовать как смягчение положений геоклиматического детерминизма, а следовательно, как намечаемый сдвиг к многофакторному подходу. Но в методологии Ж. Ж. Руссо нет и намека на попытку связать воедино геоклиматический и демографический факторы в качестве основных детерминантов социодинамики, что было свойственно Т. Мальтусу в его использовании закона убывающего плодородия почвы для обоснования вытекающих из него социальных последствий.

Конечно, говорить о том, что названным авторам присуща методология однозначной детерминации социально-политических процессов географическими и климатическими условиями природного бытия, было бы большим преувеличением, но приуменьшать и тем более отрицать эту связь также невозможно. О ней достаточно подробно говорили и многие другие западноевропейские мыслители: англичанин Г. Т. Бокль, дифференцировавший природный фактор на климат, пищу, почву и ландшафт, немецкие географы и экономисты К. Риттер, В. Кристаллер, А. Лёш, Ф. Науман, Ф. Ратцель, А. Геттнер, исследовавшие влияние рельефа местности на форму политического режима.

В Российской империи, а впоследствии в СССР и в среде русской эмиграции первой половины XX в. тенденция акцентирования роли географических условий в развитии общества была свойственна многим мыслителям. Так, Н. А. Бердяев писал, что «над русским человеком властвует русская земля, а не он властвует над ней. Западноевропейский человек чувствует себя сдавленным малыми размерами пространств земли и столь же малыми пространствами души. Он привык возлагаться на свою интенсивную энергию и активность» [11, с. 61]. Иногда в среде русских философов и ученых это воздействие преувеличивалось, что, например, характерно для А. А. Богданова, одного из основоположников учения о самоорганизации систем и принципах социального управления – тектологии, а также представителей евразийского движения (П. Н. Савицкий, Г. В. Вернадский, Л. Н. Гумилев, в настоящее время – А. Г. Дугин).

Русскими интеллектуалами было высказано много идей, имеющих прямое отношение к геополитике. Известный географ и статистик П. П. Семёнов-Тян-Шанский утверждал, что самым устойчивым типом организации государства является его расположение в пространстве «от моря до моря», социолог и географ Л. И. Мечников разработал «водную концепцию» генезиса и развития цивилизаций, биофизик А. Л. Чижевский установил связь солнечной активности с эскалацией движения народных

масс, В. О. Ключевский отмечал важность знания особенностей географической среды для раскрытия исторических закономерностей развития русского общества: «Человеческая личность, людское общество и природа страны – вот те три основные исторические силы, которые строят людское общество» [12, с. 40]. Историк дифференцировал влияние почвенных и ботанических полос, речной сети, стихий Русской равнины, леса, степи, говоря о том, что от них зависит хозяйственный быт, внутренняя и внешняя безопасность и, значит, их использование имеет важное политическое значение.

Симптоматично, что тема воздействия геоклиматических условий на историческое развитие общества, в частности на становление и цивилизационную динамику России, – предмет обсуждения и в современной философской, научной литературе, и в публицистической (например, в литературно-художественном издании известного писателя Б. Акунина «Часть Европы. История Российского государства. От истоков до монгольского нашествия»). Опираясь на работы В. О. Ключевского, Б. Акунин начинает рассмотрение истории России с констатации того, что в древности жизнь людей целиком зависела от природных условий и евроазиатская цивилизация, частью которой является Россия, своим возникновением обязана окончанию последнего ледникового периода. Далее литератор обращается к более обширному контексту, характеризующему бытующие в литературе представления гипотетического характера: «Помимо ледниковых периодов, растягивающихся на долгие тысячелетия, историческая климатология выделяет еще и “короткие” фазы потеплений и похолоданий, обычно продолжающиеся несколько веков» [13, с. 13]. Не остается вне поля его внимания и «весьма правдоподобная гипотеза, согласно которой расширение и расцвет Рима были бы невозможны без “Римского теплого периода” (250 до н. э. – 400 н. э.), когда, судя по археологическим находкам, даже в Британии выращивали виноград и делали вино. Римляне оставили свои дальние провинции еще и потому, что там стало слишком холодно и голодно зимой» [13, с. 13–14]. Кроме того, ссылаясь на мнения некоторых историков, Б. Акунин отмечает, что последнее по времени европейское похолодание случилось в XVI–XVIII вв. [13, с. 14].

Казалось бы, можно и не обращать внимания на эти замечания писателя, тем более что его цель, по собственному признанию, – популяризация подобной информации. Но среди исследовательских проектов, для которых характерна ориентация на соответствие канонам научной рациональности, отметим интересную работу известного ученого-географа В. В. Клименко, члена-корреспондента РАН. В его монографии приводится сравнительная хронология основных событий климатической и со-

циальной истории за последние пять тысяч лет [14]. Сопоставляя данные, автор показывает, что в эпохи локального ухудшения климата (например, при похолодании или уменьшении количества осадков) доминировали тенденции к объединению племен и народов, массовым переселениям, образованию новых государств, необычайному взлету человеческого разума и интеллекта, осуществлению значительных культурных и технологических прорывов, в результате чего в Восточной Европе к концу XV в. образовалось, как его называет автор, Польско-Литовское государство, простиравшееся «широкой полосой от Балтики до Черного моря» [14, с. 332]. Заметим, что указанное время в принципе соответствует установлению во второй половине XIV в. территориальных границ Великого княжества Литовского.

Что же касается эпох улучшения климата, то им, считает ученый, сопутствуют «ослабление централизованной власти, обострение внутренних противоречий, распад государств, крушение империй». В итоге В. В. Клименко делает вывод о том, что «колебания климата – не пассивный фон, на котором разыгрывается драма всемирной истории, а ее важное действующее лицо» [14, с. 321].

В качестве предостережения по поводу опасности абсолютизации связи социальной и климатической историей можно вспомнить мысль Г. Гегеля: «Не следует ни преувеличивать, ни умалять значения природы; мягкий ионийский климат, конечно, очень способствовал изяществу поэм Гомера, но один климат не может порождать Гомеров, да и не всегда порождает их; под властью турок не появлялось никаких певцов» [15, с. 126].

Библиографические ссылки

1. Зеленков АИ, Новиков ВТ, Анохина ВВ, Лазаревич АА. *Социум, цивилизация, культура в исследовательских традициях классической и современной философии*. Зеленков АИ, редактор. Минск: БГУ; 2015. 327 с.
2. Герцен АИ. Письма об изучении природы. В: Герцен АИ. *Сочинения. Том 1*. Володин АИ, редактор. Москва: Мысль; 1985. с. 222–398.
3. Лекторский ВА, Ойзерман ТИ, редакторы. *Теория познания. Том 4. Познание социальной реальности*. Москва: Мысль; 1995. 431 с.
4. Аристотель. Политика. В: Аристотель. *Сочинения. Том 4*. Жебелев СА, Доватур АИ, переводчики. Москва: Мысль; 1983. с. 375–644.
5. Касымжанов АХ. *Абу Наср аль-Фараби*. Литвинова ЛВ, редактор. Москва: Мысль; 1982. 198 с.
6. Игнатенко АА. *Ибн-Хальдун*. Москва: Мысль; 1980. 160 с.
7. Боден. Метод легкого изучения истории. В: Соколов ВВ, редактор. *Антология мировой философии. Том 2*. Москва: Мысль; 1970. с. 141–144.
8. Монтескье. О духе законов. В: Соколов ВВ, редактор. *Антология мировой философии. Том 2*. Москва: Мысль; 1970. с. 536–545.
9. Богуславский ВМ, редактор. *Философия в «Энциклопедии» Дидро и Даламбера*. Москва: Наука; 1994. 720 с.
10. Руссо ЖЖ. *Об общественном договоре, или Принципы политического права* [Интернет]. Хяутин АД, Алексеев-Попов ВС, переводчики. Москва: КАНОН-пресс; 1998 [процитировано 15 мая 2019 г.]. Доступно по: <http://lib.ru/FILO-SOF/RUSSO/prawo.txt>.
11. Бердяев НА. *Судьба России*. Москва: Философское общество СССР; 1990. 240 с.
12. Ключевский ВО. *Сочинения в девяти томах. Том 1*. Янин ВЛ, редактор. Москва: Мысль; 1987. 432 с.
13. Акунин Б. *История Российского государства. Том 1, часть 1. От истоков до монгольского нашествия*. Москва: АСТ; 2014. 396 с.
14. Клименко ВВ. *Климат: непрочитанная глава истории*. Москва: Издательский дом МЭИ; 2009. 407 с.
15. Гегель ГВФ. *Лекции по философии истории*. Воден АМ, переводчик. Санкт-Петербург: Наука; 1993. 480 с.

References

1. Zelenkov AI, Novikov VT, Anokhina VV, Lazarevich AA. *Sotsium, tsivilizatsia, kul'tura v issledovatel'skikh traditsiyakh klassicheskoi i sovremennoi filosofii* [Society, civilization, culture in research traditions of classic and contemporary philosophy]. Zelenkov AI, editor. Minsk: Belarusian State University; 2015. 327 p. Russian.
2. Gertsen AI. [The Letters on nature studies]. In: Gertsen AI. *Sochineniya. Tom 1* [Writings. Volume 1]. Volodin AI, editor. Moscow: Mysl'; 1985. p. 222–398. Russian.
3. Lekorsky VA, Oizerman TI, editors. *Teoriya poznaniya. Tom 4. Poznanie sotsial'noi real'nosti* [Epistemology. Volume 4. Social epistemology]. Moscow: Mysl'; 1995. 431 p. Russian.
4. Aristotel'. [Politics]. In: Aristotle. *Sochineniya. Tom 4* [Writings. Volume 4]. Zhebelev SA, Dovatur AI, translators. Moscow: Mysl'; 1983. p. 375–644. Russian.
5. Kasymjanov AKh. *Abu Nasr al-Farabi*. Litvinova LV, editor. Moscow: Mysl'; 1982. 198 p. Russian.
6. Ignatenko AA. *Ibn Khaldun*. Moscow: Mysl'; 1980. 160 p. Russian.
7. Bodin [Method of the easy knowledge of history]. In: Sokolov VV, editor. *Antologiya mirovoi filosofii. Tom 2* [Anthology of the world philosophy. Volume 2]. Moscow: Mysl'; 1970. p. 141–144. Russian.
8. Montesquieu. [On the spirit of the laws]. In: Sokolov VV, editor. *Antologiya mirovoi filosofii. Tom 2* [Anthology of the world philosophy. Volume 2]. Moscow: Mysl'; 1970. p. 536–545. Russian.

9. Boguslavsky VM, editor. *Filosofiya v «Entsiklopedii» Didro i Dalamberta* [Philosophy in «Encyclopedia» of Diderot and D'Alembert]. Moscow: Nauka; 1994. 720 p. Russian.
10. Rousseau JJ. *Ob obshchestvennom dogovore, ili Printsipy politicheskogo prava* [Du contrat social ou Principes du droit politique] [Internet]. Khayutin AD, Alekseev-Popov VS, translators. Moscow: KANON-press; 1998 [cited 2019 May 15]. Available from: <http://lib.ru/FILOSOF/RUSSO/prawo.txt>. Russian.
11. Berdyaev NA. *Sud'ba Rossii* [Russia's destiny]. Moscow: Philosophical Society of the USSR; 1990. 240 p. Russian.
12. Kluchevsky VO. *Sochineniya v devyati tomakh. Tom 1* [Writings in the nine volumes. Volume 1]. Yanin VL, editor. Moscow: Mysl'; 1987. 432 p. Russian.
13. Akunin B. *Istoriya Rossiyskogo gosudarstva. Tom 1, chast' 1. Ot istokov do mongol'skogo nashestviya* [History of the Russian state. Volume 1, part 1. From the beginning to Mongol yoke]. Moscow: AST; 2014. 396 p. Russian.
14. Klimenko VV. *Klimat: neprochitannaya glava istorii* [Climat: The unread history chapter]. Moscow: MEI Publishing; 2009; 407 p. Russian.
15. Hegel HWF. *Lektsii po filosofii istorii* [Lectures on the philosophy of history]. Voden AM, translator. Saint Petersburg: Nauka; 1993. 480 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 24.05.2019.
Received by editorial board 24.05.2019.